

Mellman B. Introduction // *Borderlines: Genders and Identities in War and Peace* / Ed. by B. Melman. New York, 1998.

Mosse G. L. *Nationalism and Sexuality: Middle-Class Morality and Sexual Norms in Modern Europe*. London, 1985.

Niva S. *Tough and Tender: New World Order Masculinity and the Gulf War // The «Man» Question in International Relations* / Eds. by M. Zalewski, J. Parpart. Boulder, 1998.

Riabova T., Riabov O. «U nas seksa net»: Gender, Identity, and Anticommunist Discourse in Russia // *State, Politics, and Society: Issues and Problems within Post-Soviet Development* / Ed. by A. Markarov. Iowa: Center for Russian, East European, and Eurasian Studies, the University of Iowa, 2002.

Rickards M. *Posters of the First World War*. New York, 1968.

Said E. W. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978.

Smith A. *The Ethnic Origin of Nations*. Oxford, 1996.

Steans J. *Gender and International Relations : An Introduction*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1998.

Yuval-Davis N. *Gender & Nation*. London, 1997.

А. В. Белова

«МИР ЖЕНСКОГО ДЕТСТВА» В ДВОРЯНСКОЙ РОССИИ XVIII — СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Изучая «структуры повседневности» на разных, в том числе самых ранних, этапах жизненного цикла представительниц той или иной этнокультурной среды, в данном случае российских дворянок XVIII — середины XIX в.¹, трудно не согласиться с мнением Ролана Барта, рассматривавшего феномен детства в ряду т. наз. «лжеочевидностей»², и созвучным суждением Ю. Л. Бессмертнова о том, что это «знакомое нам понятие» есть не что иное, как одно из «наших клише»³. Содержание же исторически предшествовавшего этому клише понятия, как правило, остается невыясненным, что неизбежно ведет к искажению историко-этнологической и социокультурной картины прошлого и к неадекватной трактовке многих существенных реалий повседневной жизни.

Действительно, проблематизация детства в контексте истории женской повседневности сопряжена с постановкой ряда существенных вопросов: что представляло собой детство дворянских девочек с точки зрения формирования их идентичностей, до какого возраста оно продолжалось, каков эмоциональный, коммуникативный и вещный мир детства, какие взаимоотношения связывали девочек с окружавшими их сверстницами/сверстниками/старшими, как к детям относились взрослые (матери/отцы, бабушки/дедушки, тети/дяди, кормилицы, няни, гувернантки), какими воспитательными стратегиями пользовались, какой отклик родительское воспитание находило у детей? Если принять утверждение гендерологов о том, что дети, как и женщины, относились к депривированным членам общества⁴, то означает ли это нахождение девочек в

позиции двойной маргинальности? В чем проявлялось реальное и символическое насилие со стороны воспитателей в отношении дворянских девочек? Не секрет, что с самого рождения культура предписывала им жизненную стратегию, нормы поведения и допустимого самовыражения, как бы заранее «зная», что с ними должно произойти и кем они должны стать. Если индивидуальные предпочтения и представления юной дворянки не совпадали с предписанным ей сценарием жизненного пути, начинался прессинг всей культурной традиции (в лице отца, матери, родственников, светского общества, общественного мнения, а то и самого государя). Поэтому чрезвычайно важно понять, как через сознательный и подсознательный прессинг, регламентацию образа мыслей, действий, жизни и «техник тела» производилось насаждение нормативной «женственности»? Отличалась ли повседневная жизнь девочек и мальчиков, девочек в провинциальной и столичной среде, девочек в разных провинциях? Все эти вопросы, бесспорно, заслуживают специального анализа и этнологически достоверных ответов, тем более, что в таком ракурсе они не обсуждались в отечественной историографии⁵.

К настоящему времени тема «мир детства» может считаться междисциплинарной в контексте гуманитарного знания. И хотя предметом углубленного научного анализа она стала только в XX в., тем не менее привлекла к себе внимание самых разных зарубежных и отечественных специалистов, включая антропологов⁶, философов⁷, литературоведов⁸, историков⁹, этнографов¹⁰, психологов¹¹, социологов¹², культурологов¹³. Первоначально же, еще на рубеже XIX—XX вв., заслуга в ее разработке принадлежала, с одной стороны, американской психологии, исследовавшей особенности возрастной, в частности детской, психологии¹⁴, с другой — англо-американской культурной антропологии, интересовавшейся ранними этапами социализации¹⁵. Таким образом, с первых шагов институционализации «мира детства» как темы научных исследований освоение ее велось синтетически, аналитическими усилиями разных дисциплин. Во второй половине XX в. эта тема выделилась в самостоятельную предметную область и стала основой для формирования новых научных дисциплин, таких, как история детства, этнография (антропология) детства и социология детства¹⁶. В мою задачу не входит систематическое изложение историографии исследований детства, тем более что этот сюжет непосредственно в этнологическом аспекте не раз освещался в работах современных отечественных гуманитариев¹⁷. В данной статье предстоит выяснить, что нового по сравнению с перечисленными дисциплинами может дать исследование «женского» детства в дворянской России XVIII — середины XIX в. с позиции истории повседневности. В чем состоит специфика изучения именно «женского» детства, если таковая подлежит выявлению?

Сегодня не вызывает сомнений, что «детство» — понятие исторически, культурно и этнически обусловленное. В равной мере справедливо считать его социально и гендерно обусловленным. Возможно, отпечаток этнокультурной среды в сочетании с особенностями социальной и гендерной стратификации наиболее явственен именно на образе детства, репродуцируемом той или иной традицией. Восприятие детства в контексте культуры коррелирует с приходящими на него процессами социализации и гендерной дифференциации, инте-

приоритизации определенной системы ценностей, детерминирующей, в свою очередь, нормативные стили поведения.

В отличие от прочих дисциплин, анализирующих взгляд на детство «извне», т. е. со стороны наблюдающего или изучающего субъекта, иными словами взгляд *Другого* (представительницы/представителя «своей» или «чужой» культуры) на детство, история повседневности как «*пережитая*» история, прежде всего из-за повышенного внимания к анализу т. наз. «*субъективных источников*»¹⁸, иначе — эго-документов, исследует взгляд «изнутри», т. е. самого переживающего или некогда переживавшего детство субъекта, иначе — взгляд на *Собственное детство*. Например, в женских мемуарах этот взгляд, который можно назвать «заинтересованным», аккумулирует три вида рефлексии: *во-первых*, рефлексия во взрослом возрасте своего детского состояния (подчеркиваю, не абстрактной взрослой женщиной «чужого» детства, детства другого субъекта, с которым разрыв во времени не компенсируется преемственностью идентичности, а именно своего), *во-вторых*, рефлексия собственного детского восприятия и оценок (а иногда двойную рефлексия — взрослую рефлексия детской рефлексии), *в-третьих*, рефлексия отношения взрослых к детям глазами ребенка, описанную позднее уже во взрослом возрасте.

В контексте большинства подходов детство трактуется как феномен, изучая который можно приблизиться к пониманию некой сущности, будь то состояние взрослости или культура как таковая. Тем самым детству априори приписывается второстепенное, вспомогательное значение. Напротив, история повседневности позволяет рассматривать детство не как переход к «истинному» состоянию, а как самоценное состояние. В контексте рефлексии собственной идентичности детство — не исчезающее и преходящее явление, оно тождественно взрослому состоянию в той мере, в которой является его составной и преемственно обуславливающей частью. Этапы жизненного цикла индивида, вне зависимости от различий в их дифференциации, — это последовательные этапы развития одной и той же самождественной идентичности. Многие мотивации поведения взрослого происходят из детства. Умаление значения детства или его недооценка (как, впрочем, и переоценка, идеализация) — в такой же мере культурный конструкт, культурное предписание как и распределение гендерных ролей. Не случайно, эти явления тесно связаны между собой — внедрение гендерной роли в сознание индивида в основе своей осуществляется в детстве.

При анализе детства представительниц женского пола в контексте российской дворянской культуры XVIII — середины XIX в. нетрудно подметить парадоксальное, но, вместе с тем, закономерное обстоятельство. Образы детства, репрезентируемые русской классической литературой, составляющей общепризнанный литературный канон¹⁹, который, как доказывают современные литературоведы, определяется исключительно «мужским» взглядом²⁰, — все сплошь мужские, сводимые, с известными оговорками, к архетипу дворянского недоросля. В этом ряду — и фонвизинский Митрофанушка, и карамзинский Леон, и пушкинский Гринев. У дворянского детства в России — мужское лицо²¹. Детство девочек авторов-мужчин не интересовало, зато их пристальное внимание было приковано к девичеству — девушкам, барышням. Очевидно, для них главная интрига женской судьбы, как и литературного произведения,

заклучалась в ситуации рассмотрения девушки в качестве потенциального или реального объекта мужского выбора, внимания, созерцания, интереса, любви. В этой связи детство героини, если оно описывалось²², было существенно только формированием тех душевно-нравственных качеств, которые впоследствии оказывались оцененными героем-мужчиной.

Одной из методологических задач исследования «женского» детства в контексте истории повседневности является верификация с точки зрения этнологической достоверности ряда положений, претендующих на универсальность в междисциплинарных исследованиях детства.

Так, французская писательница и философ Симона де Бовуар (*Simone de Beauvoir*, 1908—1986), анализируя в знаменитом двухтомном эссе «Второй пол» (*Le Deuxieme Sexe*) (1949) детство как этап жизненного пути с позиции психоанализа, рассматривает его в качестве начала процесса конструирования ««женственной» женщины»²³ и считает, что «девочке с первых лет ее жизни настойчиво внушают мысль о ее предназначении»²⁴.

Соотечественник де Бовуар, литературовед и семиолог, один из крупнейших представителей французского структурализма Ролан Барт (*Roland Barthes*, 1915—1980) в «Мифологиях» (*Mythologies*) (1957) — работе, относящейся еще к «доструктуралистскому» периоду его деятельности²⁵, — утверждает: «Специфика детства оказывается довольно-таки двусмысленной... детство и зрелость оказываются двумя различными, замкнутыми в себе, не сообщающимися и несмотря на это тождественными друг другу возрастами»²⁶. Особо следует подчеркнуть, что о детстве Р. Барт пишет в контексте «осмысления некоторых мифов, порожденных повседневной жизнью»²⁷ современной ему Франции, в том числе «не изжитого мифа о гениальности»²⁸. Изучение «фактов повседневности»²⁹ включило и феномен детства в предмет размышлений над «раздражавшим» его «флером “естественности”», окутывающим реальность, над тем, что он называл «само-собой-разумеющимся» или «лжеочевидностями»³⁰. Суть последних, по мнению Р. Барта, лучше всего передает «понятие мифа», трактуемое им как «своего рода язык»³¹.

Анализовавший изменение природы и статуса знания в эпоху постмодерна («недоверие в отношении метарассказов») Жан-Франсуа Лиотар (*Jean-Francois Lyotard*, 1924—1998), уточняя природу «нарративного» знания, признает инаковость, некомпетентность ребенка как не обладающего знанием. «Консенсус, который позволяет очертить такого рода знание и различать того, кто знает, от того, кто не знает (иностранец, ребенок), составляет культуру народа. Такое краткое напоминание о том, что знание может выступать как образование или как культура, опирается на этнографические описания»³².

Современный российский психолог Е. Улыбина считает, что период детства является «культурно обусловленным и культурно относительным»³³, «производным культуры» и, потому, «с усложнением культуры неизменно увеличивается»³⁴.

Общеизвестно, что открытие проблемы детства в исторических исследованиях принадлежит представителю третьего поколения французской школы «Анналов» Филиппу Арьесу (*Philippe Arius*, 1914—1984), автору знаменитой работы «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» (*L'enfant et la vie familiale sous l'ancien régime*)³⁵. По мнению английского историка и одного из авто-

ритетнейших европейских историков культуры Питера Бурке (*Peter Burke*), написавшего историю школы «Анналов»³⁶, именно с третьим поколением связаны не только административные изменения, но, что более важно, интеллектуальные сдвиги, приведшие к расширению границ истории, предметом изучения которой стали «детство, мечтания, тело и даже запахи»³⁷. Привлекшая к себе широкое внимание концепция Арьеса, вместе с тем, вызвала большую научную полемику, в которой некоторые оппоненты ставили ему в вину даже то, что он не имел специального исторического образования. Ф. Арьес был историком-любителем, или «воскресным историком» (*«un historien de dimanche»*), как он себя называл, который работал в Институте тропических фруктов и в свободное время занимался историческими исследованиями³⁸.

Смысл его концепции сводился к тому, что понятия детства, точнее сказать — чувства детства (*le sentiment de l'enfance*), в средние века не существовало. «Дети», как мы их сегодня называем, рассматривались до семи лет более или менее как зверьки, а затем как маленькие взрослые³⁹. Детство, по Арьесу, было открыто во Франции только в XVII в. Только в это время, например, дети были снабжены особой одеждой, как то «плащ» для мальчиков⁴⁰. Из писем и дневниковых записей того времени явствует, что взрослые во все большей степени интересовались поведением детей и даже подражали детской манере говорить. На основании иконографических источников, например, возросшего числа детских портретов, Ф. Арьес утверждает, что сознание детства как фазы человеческого развития в раннее новое время возвращается, но не более того.

В немецком переводе книга Ф. Арьеса называлась «История детства» (*Geschichte der Kindheit*)⁴¹ и как бы давала название целому научному направлению, что весьма символично. Тем не менее, считает П. Бурке, этот перевод также вызвал критические замечания и, вообще, был подвергнут критике, справедливой или несправедливой, многими учеными⁴². Медиевисты нападали в целом на тезисы Арьеса об этой эпохе. Другие историки упрекали Арьеса в том, что он рассматривал европейское развитие на основании источникового материала, действительного только для Франции, и не делал достаточных различий между точками зрения мужчин и женщин, элиты и простого народа⁴³. Однако заслуга Арьеса, по справедливому мнению П. Бурке, — в том, что детство было отмечено на исторической карте, возникли сотни исследований по истории детства в разных регионах и в разные периоды и было обращено внимание на эту новую историю психологов и детских врачей⁴⁴.

В отечественных исследованиях по «истории женщин» как русского, так и западноевропейского средневековья не только не раз упоминалось о полемике западных ученых⁴⁵, но и также подчеркивалась спорность некоторых утверждений Арьеса, не находящих однозначного подтверждения в исторических источниках. В частности, Н. Л. Пушкарева опровергает применительно к допетровской Московии известный тезис о том, что «дети больше работали, чем играли»⁴⁶, а Т. Б. Рябова, отмечая дискуссионность вопроса об «отсутствии детства», указывает на содержащиеся в западноевропейских средневековых источниках упоминания о различных проявлениях родительской любви к детям⁴⁷. Здесь, правда, следует отметить, что сам Арьес настаивал на различении восприятия детства и любви к детям. Первое, по его мнению, «соответствует

осознанию особенностей этого периода жизни, того, что отличает детей от взрослых, пусть даже и молодых»⁴⁸.

Другие концепции истории детства демонстрируют, в свою очередь, разнообразие методологических ракурсов от глобальной исторической ретроспективы создателя «психогенной» теории детства американского психоаналитика и психохисторика Ллойда Де Моза (*Lloyd De Mause*)⁴⁹ до, например, локального, но не менее эффективного исследования мира детства только в немецкоязычном пространстве XV в. немецкого историка Корнелии Лёмер (*Cornelia Löhmer*)⁵⁰. Концепцию Л. Демоза⁵¹ о сменяющих друг друга в западноевропейской средневековой истории стилях родительского отношения к детям — от «инфантицидного» и «бросающего» к «амбивалентному» — и ее критику западными учеными упоминает в своих работах Н. Л. Пушкарева⁵². При этом она считает, что в русских источниках XVI—XVII вв., отчасти синхронно с западноевропейскими, можно обнаружить свидетельства выделяемого Л. Демозом амбивалентного стиля воспитания⁵³. Хотя теория детства Л. Демоза и обсуждалась в российских научных изданиях⁵⁴, мне представляется целесообразным напомнить предложенную им периодизацию европейской истории детства в соответствии с преобладавшими стилями воспитания. В качестве таковых он рассматривал: 1) инфантицидный, или детоубийственный (от зарождения человечества до IV в. н. э.), 2) игнорирующий, или оставляющий (IV—XIII вв.), 3) амбивалентный (XIV—XVII вв.), 4) навязывающий, или контролирующий (XVIII в.), 5) социализирующий (XIX—XX вв.), 6) помогающий, или эмпатический (с середины XX в., включая современность). С учетом того, что уже проверено Н. Л. Пушкаревой на материалах XVII в., было бы, безусловно, интересно выяснить, подпадает ли русское дворянское воспитание XVIII — середины XIX в. под периодизацию Л. Демоза, работает ли его теория на источниках по истории российских женщин-дворянок.

Что касается исследования К. Лёмер о «мире детства» в немецкоязычном пространстве XV в., оно оценивается рецензентами как содержательное дополнение и осторожное внесение поправок к «образцовым произведениям» (*Standardwerke*) Ф. Арьеса и Л. Демоза. Похоже, сравнение концепций этих двух создателей теорий детства уже стало традицией как в западной, так и в отечественной историографии⁵⁵. В отношении же русской истории детства XVIII—XIX вв. мы найдем совсем немного специальных исследований⁵⁶.

На мой взгляд, с позиции истории повседневности нужно говорить о самоощущении детства: насколько «реальными» для взрослой женщины были ее детские ощущения и переживания, «близким» или «далеко отстоящим» воспринимался по прошествии многих лет собственный детский возраст и, следовательно, что можно наблюдать между детством и взрослым состоянием — континуитет или дискретность? Не случайно Л. Демоз, создатель одной из двух самых авторитетных теорий детства, одновременно является приверженцем *психохистории*, т. е. *истории желаний, истории мотивов*. Важно также понять, какую ценностную значимость придавали детству в русской дворянской среде XVIII — середины XIX в., которая, естественно, не была гомогенной, представительницы и представители разных возрастных категорий.

Каков круг источников, позволяющих изучать «мир детства» в контексте «истории повседневности»? Это, конечно, весь спектр эго-документов, т. е.

мемуары, дневники, письма самих дворянских детей и взрослых о детях, а также визуальные источники⁵⁷ — детские портреты и изображения детей в интерьерах — и, наконец, разного рода генеалогические документы, фиксирующие рождение и крещение, другие документы, содержащие демографические характеристики. Представления о детстве мы найдем и в литературных произведениях, среди которых следует обратить особое внимание на написанные авторами-женщинами.

Специфика репрезентации детства в женских мемуарах XVIII — середины XIX в. (обладающего, как отмечалось выше, особым потенциалом вида исторических источников в свете обсуждаемой проблемы) связана с тем, что это был самый отдаленный от момента написания период жизненного цикла дворянок, который к тому же не полностью фиксировался их собственной памятью. Однако только ли этим следует объяснять более чем лаконичные описания в мемуарах детского возраста, обстановки и переживаний детства? Насколько осознанно или неосознанно дворянки умалчивали о своем детстве больше, чем, вероятно, могли рассказать? От решения этих вопросов зависит понимание роли детства в самосознании российских дворянок. Можно ли утверждать, что бытующее ныне и исходящее из психоанализа представление о детерминации детскими впечатлениями всего последующего мировосприятия⁵⁸ осознавалось столь же однозначно в исследуемый исторический период? Насколько дворянки отдавали или не отдавали себе в этом отчет? Наконец, как сами они относились к своему детству и что вкладывали в это понятие? Подходы истории повседневности позволяют посмотреть на детство, в первую очередь, глазами тех, с кем «оно происходило». Здесь важен именно не взгляд стороннего наблюдателя, а живое ощущение, собственное переживание ребенка или взрослой женщины, вспоминающей себя ребенком. В последнем случае — что и почему дворянки вспоминали о себе, пребывавших в детском возрасте, сохраняли ли они то самое «чувство детства», и какой образ собственного детства складывался у них по прошествии времени. Можно ли при этом реконструировать идеальный для них «образ детства»?

Поставленная в данной статье проблема позволит, на мой взгляд, более достоверно интерпретировать многие стороны женской повседневности и особенности эволюции разноликих женских субъективностей. В перспективе это даст основания уточнить ряд более общих вопросов о конструировании нормативной гендерной идентичности дворянок, формировании гендерной асимметрии в дворянском обществе и особенностях воспроизводства принятого в нем гендерного контракта.

Примечания

¹ Нижняя граница рассматриваемого *полуторавекового периода*, относящегося к доиндустриальной эпохе и вместе с тем к т. наз. раннему Новому времени, совпадает с началом «европеизации» и обособления дворянской культуры из единой национальной культурной традиции в связи с преобразованиями Петра I *первой четверти XVIII в.*, а верхняя — с началом буржуазных преобразований в России *60—70-х гг. XIX в.*, когда страна вступила в эпоху т. наз. модернизации, пережив глубинные структурные потрясения. В результате последних дворянство перестало быть сословием, участие которого в экономике определяло общественный уклад, и

- больше не являлось единственным социальным слоем, продуцировавшим «высокую» культуру. Характеристика же дворянства как носителя традиционной культуры также в это время подверглась модификации в связи с разрушением как раз провинциальных миров, отмиранием традиционного усадебного быта как утратившего экономическую жизнеспособность.
- ² *Барт Р.* Из книги «Мифологии»: Предисловие // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 46.
 - ³ *Бессмертный Ю. Л.* Новая демографическая история // Одиссей: Человек в истории. 1994. М., 1994. С. 250.
 - ⁴ Об этом см.: *Пушкарева Н. Л.* Как заставить заговорить пол?: (Гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии) // ЭО. 2000. № 2. С. 39. О том, что дети репрезентируют виктимизированную инаковость, см.: *Розенхольм А.* Женское, животное и национальное в творчестве Светланы Василенко // Док. на междунар. науч. семинаре «Гендер по-русски: преграды и пределы». Тверь, 10—12 сентября 2004 г.
 - ⁵ О домашнем воспитании и образовании девочек-дворянок см.: *Белова А. В.* Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10. С. 68—74; *Она же.* Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII — первой половины XIX в.: «корневое» и «иноземное» // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: Науч.-метод. сб. / Отв. ред. В. И. Успенская. Тверь, 2000. С. 32—44; *Она же.* Женщина дворянского сословия в России конца XVIII — первой половины XIX века: социокультурный тип: (По материалам Тверской губернии): Дис... канд. культур. Специальность 24.00.02 — историческая культурология. М.: РГГУ, 1999. С. 85—120; *Пушкарева Н. Л.* «Она старалась ничего не упустить в науках...»: (Домашнее образование в конце XVIII — начале XIX в. и роль в нем женщин) // Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М., 1997. Очерк второй. Гл. IV. С. 208—220.
 - ⁶ *Мид М.* Культура и мир детства: Избр. произведения / Сост. И. С. Кон. М., 1990; *Хасанова Г. Б.* Антропология: Учеб. пособие. М., 2004. С. 98—101.
 - ⁷ *Бовуар С. де.* Второй пол / Общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой, коммент. М. В. Аристовой. М.; СПб., 1997. Т. 2. Ч. 1. Гл. 1: Детство. С. 310—365; *Кон И. С.* Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М., 1988; *Он же.* Ребенок и общество: Учеб. пособие. М., 2003.
 - ⁸ *Барт Р.* Из книги «Мифологии». I. Мифологии. Литература и Мину Друэ // Барт Р. Избранные работы. С. 48—56.
 - ⁹ *Арьес Ф.* Возрасты жизни // Педология / Новый век: Психолого-педагогический, публицистический журнал. 2000. № 1 (февраль). С. 6—11; *Он же.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург, 1999; *Демоз Л.* Психоистория: Пер. с англ. Ростов н/Д, 2000; *Келли К.* «Хочу быть трактористкой!»: (Гендер и детство в довоенной советской России) // Социальная история: Ежегодник, 2003; Женская и гендерная история / Под ред. Н. Л. Пушкаревой. М., 2003. С. 385—410; *Кись О. А.* Материнство и детство в украинской традиции: деконструкция мифа // Там же. С. 156—172; *Кошелева О. Е.* «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI—XVIII вв.): Учеб. пособие по педагогической антропологии и истории детства. М., 2000; *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; Послесл. А. Я. Гуревича. М., 1992. С. 268—269; *Николас Д.* Домашняя жизнь средневекового города: женщины, дети и семья в Генте XIV в. // Средневековая Европа глазами современников и историков: Книга для чтения. М., 1995. Ч. III: Средневековый человек и его мир; *Пушкарева Н. Л.* Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996. С. 108—126; *Она же.* Материнство в новейших социологических, философских и психологических кон-

- цепциях // ЭО. 1999. № 5. С. 48—59; *Она же*. Мать и дитя в Древней Руси: (Отношение к материнству и материнскому воспитанию в X—XV вв.) // ЭО. 1996. № 6. С. 93—106; *Она же*. Мать и материнство на Руси (X—XVII вв.) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1996. С. 305—341; *Она же*. Частная жизнь русской женщины... С. 65—93, 191—207; *Рябова Т. Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья: Учеб. пособие. Иваново, 1999. С. 121—125; *Сальникова А. А.* Трансформация идеалов и жизненных ценностей русской девочки / девушки в первое послеоктябрьское десятилетие // Социальная история: Ежегодник, 2003. С. 411—435; *Demause L.* The Evolution of Childhood // History of Childhood Quarterly. Spring, 1974. Vol. 1. № 4; *Herlihy D.* Medieval Children // Essays on Medieval Civilisation. Austin; L., 1978. P. 109—141; *Löhmer C.* Die Welt der Kinder im fünfzehnten Jahrhundert. Weinheim, 1989; *Nicholas D.* The Domestic Life of a Medieval City: Women, Children and the Family in Fourteenth-Century Ghent. Lincoln, 1986.
- ¹⁰ *Байбурин А. К.* Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения / Отв. ред. А. К. Байбурин, И. С. Кон. СПб., 1991. С. 257—265; *Бутовская М. Л., Артемова О. Ю., Арсенина О. И.* Половые стереотипы у детей Центральной России в современных условиях // ЭО. 1998. № 1. С. 104; Дети в обычаях и обрядах народов зарубежной Европы. М., 1995; Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа / Отв. ред. Р. Р. Рахимов. СПб., 1998; *Лукин И. И., Старовойтова Г. В.* Исследование родительских полоролевых установок в разных этнокультурных средах // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. С. 6—16; Мир детства и традиционная культура. Вып. 2. М., 1996; Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 1: Младенчество. Детство. М., 1995; Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 2: Детство. Отрочество. М., 1995; *Северная О. А.* Этнология детства: (Младенческий, ранний и дошкольный возраст): Рос. этносы: Аннотир. библиогр. указ. М., 1993; *Соловьева Л. Т.* Грузия: Этнография детства. М., 1995; Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии / Отв. ред. И. С. Кон. М., 1983; Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии / Отв. ред. И. С. Кон. М., 1988; Этнография детства: Сб. фольклорных и этнографических материалов / Зап., сост. Г. М. Науменко. М., 1998; *Яхно О. Н.* Новое отношение горожан к детству на рубеже XIX—XX вв. // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы пятых Сибирских чтений, Санкт-Петербург, 17—19 октября 2001 г. СПб., 2004. Ч. 1. С. 190—193.
- ¹¹ *Бакуштова Е.* Детство — это кошмар // Педология / Новый век. № 2/11; *Демоз Л.* Указ. соч.; Детство идеальное и настоящее / Под ред. Е. Р. Слободской. Новосибирск, 1994; *Жамкочьян М.* Кошмар Демоза // Педология / Новый век. № 2/11; *Марцинковская Т. Д.* Психология развития // Ярошевский М. Г. История психологии от античности до середины XX в. М., 1996; *Монтессори М.* Помоги мне сделать это самому / Сост., вступ. ст. М. В. Богуславского, Г. Б. Корнетова. М., 2001; *Попова Л. В.* Гендерная социализация в детстве (или Что нужно знать воспитателям о том, как девочки и мальчики научаются «быть женщинами и мужчинами») // Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика: В 2 ч. / Под ред. Л. В. Штылевой. Мурманск, 2001. Ч. 1. С. 40—47; *Улыбина Е.* Психология обыденного сознания. М., 2001; *Она же*. Страх и смерть желания. М.; СПб., 2003; Отцы и дети: жизнь после инцеста. Мир «Магнолии». С. 253—303.
- ¹² *Чодороу Н.* Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола (Ч. III. Половая идентификация и воспроизводство материнства) // Антология гендерной теории: Сб. пер. / Сост. и коммент. Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. Мн., 2000.

- С. 29—76; Щеглова С. Н. Как изучать детство: Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М., 2000.
- ¹³ Белик А. А. Детство как феномен культуры // Белик А. А. Культурология: Антропологические теории культур. М., 1999. Раздел III. Гл. 2. С. 107—123; Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 53—54, 62—64.
- ¹⁴ См.: Марцинковская Т. Д. Указ. соч.
- ¹⁵ См.: Бутовская М. Л., Артемова О. Ю., Арсенина О. И. Указ. соч. С. 104.
- ¹⁶ См. об этом: Кон И. С. Ребенок и общество: Учеб. пособие. С. 5.
- ¹⁷ Белик А. А. Указ. соч.; Бутовская М. Л., Артемова О. Ю., Арсенина О. И. Указ. соч.; Кон И. С. Этнография детства: Историографический очерк // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии; Он же. Ребенок и общество: Учеб. пособие; Марцинковская Т. Д. Указ. соч.
- ¹⁸ Diekwisch H. Einleitung // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. Münster, 1994. S. 10.
- ¹⁹ Немецкие литературоведы Ренате фон Хайдебранд и Симоне Винко определяют понятие «литературный канон» и его функциональное назначение следующим образом: «Собрание текстов, сохраненных и переданных в устной (например, мифы) или письменной форме, т. е. корпус произведений и их авторов, считающихся особо ценными и потому достойными передачи из поколения в поколение, обозначается как канон. Важнейшими функциями канона являются: узаконение ценностей, создание идентичности и определение ориентиров для действия» (Хайдебранд Р. фон, Винко С. Работа с литературным канонем: Проблема гендерной дифференциации при восприятии (рецепции) и оценке литературного произведения // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования: Сб. ст. / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М., 2000. Вып. 2. С. 44.) О «концепции Великого Канона» и связанной с ней маргинализацией автодокументальных и женских текстов см.: Савкина И. Л. «Пишу себя...»: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Тампере, 2001. С. 10—15.
- ²⁰ Лена Линдхоф употребляет в связи с этим термины «männlicher Literaturkanon» (мужской литературный канон), «(männlicher) Maßstab >großer< Kunst» ((мужской) масштаб «великого» искусства) и «kanonisierte >männliche< Texte» (канонизированные «мужские» тексты), см.: Lindhoff L. Einführung in die feministische Literaturtheorie. Stuttgart; Weimar, 1995. S. XI. Об определении мужским взглядом на литературу «коллективных оценочных процессов, ведущих к канонизации писателей» см.: Хайдебранд Р. фон, Винко С. Указ. соч. С. 23. В частности, о невключении женщин-авторов и женских текстов в канон русской литературы см.: Шоре Э. Женская литература XIX века и литературный канон: К постановке проблемы // Пером и прелестью: Женщины в пантеоне русской литературы. Ополе, 1999. С. 95—104.
- ²¹ Можно вспомнить еще и «Детство» Л. Н. Толстого, «Детство Темы» Н. Г. Гарина-Михайловского, «Детство Никиты» А. Н. Толстого.
- ²² См., напр.: «Арап Петра Великого», «Метель», «Дубровский», «В начале 1812 года...», «Барышня-крестьянка» А. С. Пушкина, «Рудин», «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева и др.
- ²³ Бовуар С. де. Указ. соч. С. 322.
- ²⁴ Там же. С. 311.
- ²⁵ Косиков Г. К. Ролан Барт — семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы. С. 6.
- ²⁶ Барт Р. Из книги «Мифологии». I. Мифологии. Литература и Мину Друэ. С. 52.
- ²⁷ Барт Р. Из книги «Мифологии». Предисловие. С. 46.
- ²⁸ Барт Р. Из книги «Мифологии». I. Мифологии. Литература и Мину Друэ. С. 52.

- ²⁹ *Барт Р.* Из книги «Мифологии». Предисловие. С. 47.
- ³⁰ Там же. С. 46.
- ³¹ Там же.
- ³² *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.; СПб., 1998. С. 53.
- ³³ *Улыбина Е.* Страх и смерть желания. С. 253.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Arius P.* L'enfant et la vie familiale sous l'ancien régime. Paris, 1960, 1973; dt.: *Arius Ph.* Geschichte der Kindheit. München, 1975; *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке.
- ³⁶ *Burke P.* Offene Geschichte: Die Schule der «Annales» / Aus dem Englischen von Matthias Fienbork. Berlin, 1990. (Originalausgabe: *Burke P.* The French Historical Revolution: The Annales School, 1929—89. Cambridge, 1990.)
- ³⁷ Ebd. S. 69.
- ³⁸ Ebd. S. 71.
- ³⁹ Ebd.
- ⁴⁰ Ebd.
- ⁴¹ *Arius Ph.* Geschichte der Kindheit. München, 1975.
- ⁴² *Burke P.* a.a.O. S. 72.
- ⁴³ Ebd.
- ⁴⁴ Ebd.
- ⁴⁵ *Пушкарева Н. Л.* Женщины России и Европы на пороге Нового времени... С. 241—242; *Она же.* Частная жизнь русской женщины... С. 278.
- ⁴⁶ *Пушкарева Н. Л.* Женщины России и Европы на пороге Нового времени... С. 115—116; *Она же.* Частная жизнь русской женщины... С. 78—79.
- ⁴⁷ *Рябова Т. Б.* Указ. соч. С. 123.
- ⁴⁸ *Жамкочьян М.* Указ. соч.
- ⁴⁹ *Detause L.* Op. cit.; *Демоз Л.* Указ. соч.
- ⁵⁰ *Löhmer C.* a.a.O.
- ⁵¹ Именно такая версия написания имени закрепилась при переводе на русский язык его работы «Психоистория».
- ⁵² *Пушкарева Н. Л.* Женщины России и Европы на пороге Нового времени. С. 111, 239; *Она же.* Мать и дитя в Древней Руси. С. 93; *Она же.* Мать и материнство на Руси (X—XVII вв.). С. 313—314, 334; *Она же.* Частная жизнь русской женщины. С. 73, 276—277.
- ⁵³ *Пушкарева Н. Л.* Мать и материнство на Руси (X—XVII вв.). С. 314.
- ⁵⁴ См., напр.: *Бакиштова Е.* Указ. соч.; *Белик А. А.* Указ. соч. С. 110—111; *Жамкочьян М.* Указ. соч.
- ⁵⁵ *Жамкочьян М.* Указ. соч.
- ⁵⁶ *Кошелева О. Е.* Указ. соч. Также отдельные выводы, сделанные Н. Л. Пушкаревой при анализе материнства и материнской любви в этот период см.: *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины. С. 206—207.
- ⁵⁷ Следует обратить внимание на то, что, например, концепция Ф. Арьеса в значительной мере базируется на иконографических источниках.
- ⁵⁸ Согласно З. Фрейду, речь идет прежде всего о сексуальных переживаниях, связанных с периодом детства, которые как основной вид психотравмирующих аффектов вытесняются в бессознательное. См.: *Лейбин В. М.* Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990. С. 142—143; *Он же.* Чудо исцеления // *Цвейг С.* Врачевание и психика: Месмер. Бекер-Эдди. Фрейд: Пер. с нем. М., 1992. С. 9; *Цвейг С.* Зигмунд Фрейд. Область пола // *Цвейг С.* Врачевание и психика. С. 287—294.